

A movie poster featuring a man and a woman in a hospital setting. The man, on the left, is wearing a grey t-shirt and looking towards the woman. The woman, on the right, is wearing a white lab coat and holding a large stack of papers. She is looking back at the man with a concerned expression. In the background, there is a staircase with a metal railing. The lighting is warm and golden, suggesting a late afternoon or early morning scene.

Светлана
Лазурная

Когда на небе
зажигаются
звезды

18+

Светлана Лазурная

Когда на небе зажигаются звезды

<https://litres.ru/74612669>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Её мир был выстроен по коридорам поликлиники: запах лилий, скрип дверей, улыбка, за которой прячется дрожь. Но в то утро на лестнице появился он — с часами и взглядом, от которого замирает сердце. А ещё была царапина в форме молнии и женщина в строгом костюме, которая всё знала но ничего не объяснила. Когда любовь начинается с загадки, каждое почему бьёт прямо в сердце. Современный роман о чувствах и тайнах, которые прячутся в самых обычных днях.»

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Светлана Лазурная

Когда на небе зажигаются звезды

Глава 1

ГЛАВА 1. ЛЕСТНИЦА

Июньское утро выдалось душным. С рассвета воздух в коридорах поликлиники был тяжёлым, пропитанным хлоркой и запахом старой бумаги. Очередь у регистратуры тянулась через весь вестибюль до самого тамбура. Те, кому повезло, сидели на диванчиках в фойе; остальные маялись у стен, тоскливо поглядывая на часы.

Света спускалась с третьего этажа, прижимая к груди стопку амбулаторных карт. Участковый терапевт. По нормативам — восемнадцать человек в смену. А кто их считал, эти нормативы. Белый халат прилип к спине, по вискам стекали капли пота. Она машинально провела ладонью по затылку — привычка, оставшаяся с юности, когда волосы были длинными. Она шла, глядя под ноги, и мысленно перебирала предстоящий приём: маска участия и фальшивая улыбка, которую она надевала для каждого пациента. Света не спешила, наслаждаясь короткой передышкой. Она ещё не знала, что

это — последнее спокойное утро в её жизни.

На площадке между вторым и третьим этажами солнце заливало всё пространство. Лучи золотили плитку на ступенях, играли на пыльных перилах, скользили по кафельному полу. Через открытое окно повеяло ароматом лилий, пионов и свежескошенной травы. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики. Света остановилась на мгновение, прикрыла глаза — и в этот момент снизу послышались шаги.

Быстрые, лёгкие, летящие. Раз-два-три — отдавалось по лестнице. Её сердце подхватило этот ритм за секунду до того, как тёмная фигура возникла в светлом проёме.

Она открыла глаза — и мир вдруг стал слишком ярким, будто кто-то выкрутил свет на максимум. Звуки наслоились друг на друга: скрип двери на третьем этаже, чей-то кашель, далёкий звонок телефона — всё звучало оглушительно, кроме одного: его шагов. И только он оставался чётким, как единственный предмет в резком фокусе. Пол под ногами стал ненадёжным, будто ступенька вдруг стала на сантиметр выше, чем нужно. Она невольно схватилась за перила, но даже холодная шершавость металла не могла вернуть ей чувство реальности. Только он. Всё остальное — шум.

Он поднимался по лестнице ей навстречу, и солнечные лучи путались в его тёмных волосах, коротко стриженных ёжиком. Свет падал на плечи, обтянутые серой футболкой, задерживался на скулах, на испанской бородачке. На нём не было белого халата и бейджика — он казался случайным гостем в

этом душном, пропахшем лекарствами коридоре. Незнакомец, который в один миг стал центром её Вселенной.

Её взгляд скользнул по нему: механические часы на левом запястье с потёртым кожаным ремешком. На циферблате — крошечная царапина в форме молнии, будто кто-то провёл по стеклу ногтем. И вдруг — щелчок. Не громкий, а именно отчётливый, как если бы кто-то щёлкнул пальцами прямо у неё над ухом. Этот звук ударил по нервам, и на мгновение ей показалось, что время замерло. Потом оно снова пошло — но уже по другим правилам. «Просто часы», — сказала она себе. Но сердце билось так, будто это был сигнал. Всё изменилось.

Он поравнялся с ней. На долю секунды их плечи соприкоснулись — ткань о ткань, и в этом касании было что-то до смешного будничное, почти неловкое: как будто они оба чуть не столкнулись и в последний момент чуть-чуть подправили шаг. Сначала она почувствовала это кожей — мимолётное касание ткани, тепло чужого тела. А потом это тепло проникло глубже, внутрь, и остановилось где-то в области солнечного сплетения. Словно маленькое тёплое солнышко. Оно не жгло, не пульсировало — просто было. И от этого становилось и страшно, и спокойно одновременно. Взгляды встретились: его — тёмный, почти чёрный, и её — растерянный, голубой.

— Простите, не подскажете, где тут кабинет восемьдесят три? — спросил он, на секунду сбившись с шага, будто сам

удивился, что заговорил. Улыбка вышла не безупречной, а чуть кривой — как будто он не привык просить о помощи. И от этой неидеальности она запомнилась сразу, навсегда.

Светлана:

Он шагнул в сторону, чтобы пропустить её, и в этот момент стопка карт в её руках поехала вбок. Одна карта скользнула вниз. Он машинально придержал её — ладонью, коротко, почти не касаясь. Карта замерла. Он посмотрел на неё, потом на Свету. На секунду их руки оказались рядом — его пальцы на карте, её — на стопке.

— Осторожно, — сказал он тихо. — А то потеряете.

Он убрал руку и пошёл дальше. Но запах остался — мята, лёгкая горчинка, что-то тёплое и живое. И под этим — табак. Едва уловимый, будто он курил недавно, а потом долго шёл по улице. В воздухе. В памяти. Она стояла на ступеньке и чувствовала его всем своим существом.

«Господи. Какая глупость — стоять столбом посреди лестницы», — пронеслось у неё в голове. Она представила, как он оборачивается, как смотрит на неё с той же полуулыбкой. И тут же испугалась: «А если он обернётся, и я не смогу сказать ни слова?» Она сжала карты так, что края врезались в пальцы. «Пусть идёт, — сказала она себе. — Пусть запомнит меня не растерянной душой с трясущимися руками». Но внутри, глубоко, под слоем страха и стыда, жило другое: «А если он запомнит меня именно такой? Если ему понравится, что я не умею притворяться?» Она не знала. И от этого

незнания кружилась голова.

Шаги затихли. А она всё ещё стояла, прижимая к груди карты, боясь пошевелиться. Ноги стали ватными. «Господи», — выдохнула она в пустой пролёт. Неровной, шатающейся походкой добралась до кабинета, рухнула на стул и несколько минут, не отрываясь, смотрела на трещину в потолке. Руки дрожали мелкой дрожью, пальцы не слушались. Она прижала к себе карты — но руки были словно не её. Пальцы разжались, и стопка амбулаторных карт тут же рассыпалась веером. Лёгкое шуршание по полу прозвучало в тишине оглушающе громко.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, и этот звук вернул её в реальность. Она судорожно вдохнула, наклонилась, подхватила карты, торопливо сложила на стол. «Соберись. Ты на работе».

В дверь постучали:

— Можно войти?

На пороге стоял пожилой мужчина. Света вздрогнула, будто её ударило током.

— Да, проходите, присаживайтесь, — пригласила она. — Ваша фамилия?

Мужчина появился на пороге, потом вздохнул:

— Петров. Пётр Петрович.

Света быстро нашла карту в стопке.

— Ага, вот вы... — Она открыла карту, поставила дату, стараясь, чтобы рука не дрожала. — Слушаю вас. На что жа-

луетесь?

— Да всё болит, доктор, — протянул он. — Спина... Вчера картошку копал — прихватило. Давление скачет до ста восьмидесяти, голова кружится. Вчера упал, испугался, думал — инсульт.

Света кивнула, стараясь не выдать, что мысли её где-то далеко.

— Давайте посмотрим, — она взяла фонендоскоп, на секунду зажмурилась, прогоняя образ лестницы. Послушала лёгкие, сердце. — Спину покажите, — скомандовала она чуть резче, чем хотела.

Пациент послушно повернулся, кряхтя.

— Ой! Вот тут, — поморщился он от боли, когда она нажала на позвоночник.

Света попыталась улыбнуться искренне, а не дежурно:

— Ну, отчаиваться не стоит. Полечитесь — и всё наладится. Пётр Петрович, а анализы давно сдавали?

— Давно. Всё некогда, — буркнул он. — То огород, то внуки...

Света вздохнула и взялась за ручку:

— Так, сейчас поднимитесь в лабораторию, в восемьдесят третий кабинет. Сдадите кровь, мочу, сделаете кардиограмму. Я вас запишу на рентген через два дня. Как результаты будут готовы — жду вас на повторный приём, тогда и направлю к неврологу. А пока таблетки попьёте, а там посмотрим.

Мужчина облегчённо выдохнул, поднялся — и вдруг за-

держался у двери:

— Вы бы отдохнули, доктор. Вид у вас уставший.
Света вздрогнула.

— Спасибо, — сказала она. — Всё в порядке.

Он вышел. Света проводила его взглядом, и улыбка сползла с лица. Перед глазами снова была лестница. Солнце. Его улыбка. Настоящая.

Она посмотрела на карту Петрова. Восемьдесят третий... Она уже слышала этот номер сегодня. Утром. На лестнице. Тот незнакомец спросил, где восемьдесят третий кабинет. Она не ответила ему. И теперь Петров шёл туда же.

Светлана:

Она дописала приём в электронную карту. Бумажную отложила в сторону — утром медсестра унесёт их в статистику, операторам, для ввода в компьютер.

Света взяла следующую карту. И следующую. Приём пошёл по кругу: ОРВИ, остеохондроз, стенокардия. Она размашисто черкала в карте — сама понимая что, потом не разберёт свой же почерк — слушала собственный голос: ровный, спокойный, и ей чудилось будто ее голос вовсе не ее, а какой то чужой незнакомой женщины. Вроде бы все как обычно, Света объясняла про дозировки, про время приёма. Но тот щелчок всё ещё звучал у неё в голове, возвращая её на ту лестницу. Дверь кабинета приоткрылась без стука. На пороге стояла женщина лет сорока пяти — строгий тёмный костюм, идеальная укладка. Света не узнала её.

— Светлана Александровна? — голос был ровным, без эмоций. — Я Ирина Викторовна, из департамента здравоохранения. Разрешите войти?

Света поднялась:

— Конечно, проходите.

Ирина шагнула внутрь, но не села. Осталась стоять у стола — прямая, как струна. Пальцы её правой руки чуть постукивали по краю папки, которую она держала. Тук. Тук. Тук. Ровно, как метроном.

— Я к вам по личному вопросу. Но давайте поговорим в более спокойной обстановке — не сейчас, не во время приёма.

Она скользнула взглядом по кабинету, по стопке карт на столе. На секунду её взгляд задержался на окне. За стеклом ничего не происходило — только двор, серый асфальт, чьи-то машины. Но Ирина смотрела не на двор. Она будто прислушивалась — к чему-то за стеной, рядом с окном.

И тут за стеной, в соседнем кабинете, глухо застучали. Раз. Другой. Третий. Кто-то вколачивал гвоздь — наверное, чтобы повесить картину. Удары были тяжёлые, редкие, с паузой. Тук... тук... тук...

Ирина чуть склонила голову набок. Её пальцы на папке на секунду замерли — а потом снова выбивали тот же такт. Тук. Тук. Тук.

— Поговорим позже, когда приём будет окончен. Часа в четыре вас устроит?

Света кивнула, хотя внутри возникла смесь удивления и страха. В мыслях пронеслось: интересно, что могло понадобиться от неё сотруднице департамента?

Ирина чуть улыбнулась — одними губами — и вышла. Но её пальцы ещё секунду стучали по папке, прежде чем она закрыла за собой дверь.

Света опустила на стул. Она никогда не видела эту женщину раньше.

Но думать об этом было некогда. Дверь кабинета снова открылась — вошёл следующий пациент. И приём покатился по накатанной: карты, даты, направления, рецепты. Где-то на задворках сознания всё ещё звучал голос Ирины: «Поговорим позже, когда приём будет окончен». И ещё — тот щелчок на лестнице.

Она ловила себя на том, что во время приёма смотрит в окно и ждёт, что он пройдёт по двору или встанет курить на площадке для курения напротив её окон. Она искала в воздухе запах — его запах, — но не находила. Картина за окном была неизменной: серый асфальт, раскидистые клёны, автомобили сотрудников.

Время текло как вода сквозь пальцы. К двенадцати пациенты рассеялись, как утренний туман под солнцем, и она почувствовала, что валится с ног от усталости. Пора было сделать перерыв.

Она закрыла последнюю карту, сняла халат, повесила его на спинку стула. Поправила волосы, взяла сумку и направи-

лась обедать в столовую.

В это время в коридорах поликлиники было тихо — пациенты разошлись, врачи первой смены закончили приём, а вторая смена ещё не приступила к работе. Единичные пациенты попадались ей навстречу. Где-то вдалеке гудел поднимающийся лифт. Тишина была оглушительной, и каждый звук, раздававшийся в коридоре, был сильным и острым, как лезвие ножа. Света шла мимо дверей, мимо кабинетов. Из огромного окна лился свет.

Она спустилась по лестнице — по той самой, где утром столкнулась с ним. Задержалась на секунду. Прислушалась. Тишина. Только шаги — её собственные.

И пошла дальше — в сторону столовой.

Входные двери столовой были прозрачные, во всю стену. За ними уже кипела жизнь: сотрудники поликлиники — врачи, медсёстры, лаборанты, регистраторы — сидели за столиками, склонившись над подносами, переговаривались, смеялись, что-то читали в телефонах. Кто-то торопливо доедал суп, поглядывая на часы. Кто-то пил чай, откинувшись на спинку стула.

Светлана:

Света толкнула дверь — та мягко подалась. Внутри было шумно и тепло, пахло свежеприготовленной едой. Она взяла с полки поднос — серый, с потёртыми краями, — и встала в короткую очередь к раздатке.

За стеклом раздатки повар в колпаке раскладывала по та-

релкам пюре. Света кивнула на котлету, на пюре, попросила стакан чая с лимоном. Всё это легло на поднос — неловко, с краю, как всегда. Она поставила сверху приборы и салфетку.

На кассе сидела молодая девушка за кассовым аппаратом, который пищал на каждую позицию. Света отсчитала деньги, получила сдачу, положила мелочь в карман халата.

И пошла к своему любимому столику — дальнему, у окна. Отсюда был виден двор и высокие пушистые ели, что стояли стеной за забором; в солнечные дни их верхушки казались золотистыми. Света всегда садилась здесь, если место было свободно.

Она села, поставила поднос с едой на стол и залюбовалась видом. Белые облака плыли по голубому небу. Через открытое окно было слышно пение птиц. «Как красиво», — подумала Света.

Потом машинально поднесла чай к губам — привычно, не думая, как делала всегда: сначала глоток, потом выдох, потом можно начинать жить дальше. Но сегодня чай оказался слишком горячим, слишком терпким, будто язык забыл, какой он должен быть на вкус. Она поморщилась, но не отставила стакан.

Мысли вновь перенесли её назад. Она смотрела в окно, но видела только лестницу, солнце и его улыбку.

Рядом, за соседним столиком, кто-то громко рассмеялся. Света вздрогнула так, будто её застали за чем-то строго запретным. обернулась. Там сидели медсёстры — Галка и

Надежда Ивановна. Галка что-то рассказывала, размахивая ложкой, и обе то и дело прыскали. Света отвернулась к своему чаю, но краем уха всё равно ловила их голоса.

— Надь, ты видела? Тот, в серой футболке, с часами... И знаешь, что странно? Он вроде идёт спокойно, а по коридору будто сквозняк пробегает. Все оборачиваются. Даже санитарки. Даже я.

Света сидела, не поднимая глаз, и делала вид, что ест. Поправила салфетку, отставила стакан. Но краем уха уже ловила каждое слово — как будто это её касалось. Как будто они говорили о ней.

— И представляешь, — продолжила Галка, отпив чай, — иду я в регистратуру, в руках стопка карт. А он как вылетит со стороны лестницы! Как рванул — я думала, за ним кто-то гонится. Летит, как торпеда, прямо на меня. Я еле отскочила. Хорошо хоть карты не выронила. А он даже не заметил — мимо пронёсся и в свой кабинет. Дверью хлопнул так, что стёкла задрожали. А у меня сердце как у зайца в груди колотится. Насилу успокоилась.

Надежда Ивановна хмыкнула, помешивая чай:

— Летит как торпеда, говоришь? А до этого — идёт спокойно, все оборачиваются? Что-то у тебя, Галка, он то пешком ходит, то летает. Определись уже.

— Ой, да ну тебя, — отмахнулась Галка. — Может, у него день такой. Утром спокойный, а к обеду как подорвался. Мало ли.

— Мало ли, — поддакнула Надежда Ивановна, но Света поняла: она просто подкалывает Галку. — И куда он так летел-то? В свой кабинет?

— В свой, в свой, — кивнула Галка. — К статистистам. Говорят, там у них что-то стряслось. То ли отчёт не сошёлся, то ли компьютер завис. Он туда и примчался.

— Или к женщине, — сказала Надежда Ивановна и отпила чай.

Галка поперхнулась:

— К какой ещё женщине?

— К обыкновенной. В поликлинике женщин много. Ходят тут, в халатах, с картами... — Надежда Ивановна чуть усмехнулась. — А он летит, дверью хлопает, у всех сердце как у зайца. Может, у него тут не работа, а дело сердечное.

Галка притихла. Отставила чай и посмотрела на неё:

— Надь, ты что-то знаешь?

— Я ничего не знаю. Я просто чай пью и думаю. Ты вот говоришь — утром шёл спокойно, к обеду летел. Так не бывает, чтобы просто так. Значит, что-то его дёрнуло.

— Что?

— А вот это, милая, надо у него спросить. Или у той, из-за кого он с утра был как сонный, а к обеду — как ужаленный.

Галка задумалась. Потом медленно откусила котлету и проговорила с набитым ртом:

— Слушай... а может, и правда. Может, он тут с кем-то...
Светлана:

— Может, — сказала Надежда Ивановна. — Но пока это только чай и сплетни. Пей давай, а то простынет.

Галка фыркнула, но чашку взяла. И вдруг, как будто вспомнив что-то, добавила:

— А вообще, я его фамилию знаю. Игорь Сергеевич Белов. Заведующий отделением статистики. Говорят, из вычислительного центра к нам перешёл, инженер-программист. У него там и статисты, и операторы, и свои программисты — целый штат. Говорят, если у кого компьютер сдохнет — сам приходит и чинит. Представляешь? Заведующий — и с отвёрткой.

Света замерла с ложкой в руке.

Имя ударило, как разряд. Игорь. Она и не подозревала, что одно слово может так оглушить. Как будто она всё это время ждала, что его назовут, — и вот назвали. Теперь у него было имя. И от этого стало одновременно страшно и спокойно: он перестал быть просто незнакомцем из солнечного пятна. У него было имя. У него была фамилия. У него было отделение статистики, куда утром унесли её карты.

Рука со стаканом дрогнула. Ложка звякнула и упала на стол. Чай из стакана пролился. Света торопливо схватила салфетку и начала промокать лужицу, слишком усердно, слишком быстро. И вдруг замерла — сама не поняла, почему. Пальцы сжали салфетку, будто она хотела найти опору, — но мокрая салфетка была мягкой. По спине пробежал холодок.

«Игорь», — прошептала она мысленно, пробуя имя на вкус.

После обеда она поднялась на второй этаж. В коридоре сильно пахло хлоркой — санитарка Татьяна мыла пол.

— Привет, Тань, — пробормотала Света, проходя мимо.

Татьяна подняла голову, тряхнула тряпкой:

— О, доктор! Ну и духота сегодня... Ещё и пол мыть! Хоть бы вентилятор дали, а то сдохну тут.

— Держись, — слабо улыбнулась Света. — Скоро лето кончится, полегче станет.

— Полегче? — Татьяна хмыкнула и вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Ага, как же. Идут и идут. Грязь тащат с улицы, мусор, бумажки. А зарплата — двенадцать тысяч. Двенадцать! Я на рынке уборщицей больше получала.

Она махнула рукой и снова склонилась над ведром.

— Тут халат белый, а толку-то ноль. Как получали гроши, так и получаем, — проворчала она себе под нос.

Света пошла дальше, но слова Татьяны остались в ней — как заноза. Двенадцать тысяч. Грязь. Бесконечные пациенты. Она вдруг подумала: вот Татьяна — та мечтает о материальном. О нормальной зарплате и вентиляторе. А она, Света, стоит посреди коридора и думает о мужчине, который просто прошёл мимо. Глупо. Стыдно. Наверно, по-детски. Может быть. Но она ничего не могла с собой поделать.

И всё-таки что-то царапало. Слова Надежды Ивановны не выходили из головы: «Может, у него тут не работа, а дело

сердечное». Кто она? Эта женщина, к которой он летел? Есть ли она вообще? Или это просто сплетня, пустая, как и все сплетни в поликлинике?

Света не знала. Но внутри что-то сжалось — маленькое, незнакомое, похожее на ревность. Она ведь совсем его не знает. Не знает, какой он человек, что он любит, как говорит, какой у него голос. Она видела его один раз в жизни — и то мельком, на лестнице. А уже ревнует. К кому? К женщине, которой, может быть, и нет.

«Дура», — сказала она себе и пошла к своему кабинету.

После обеда у неё были вызова. Света взяла чемодан неотложной помощи и спустилась к служебному выходу, где её уже ждал узик — старенький, дребезжащий, с выцветшим красным крестом на борту. За рулём сидел Валерий Александрович — вечно в кепке, с сигаретой за ухом и с улыбкой, которая, казалось, не сходила с его лица даже в сорокаградусную жару.

— Куда сегодня, доктор? — спросил он, оборачиваясь и подмигивая. — Только не говори, что опять на Лесную. Там бабка с первого этажа мне про свою кошку всё уши прожужжала. Говорит, та у неё телевизор смотрит. Представляешь? Кошка — и телевизор.

— На Лесную, — вздохнула Света, забираясь в кабину и пристраивая чемодан у ног.

— Ну вот, — Валерий хлопнул по рулю. — Я так и думал. Ладно, поехали. Только если она опять про кошку начнёт —

я в машине посижу. Сделаю вид что газету читаю.

Светлана:

Уазик тронулся, подпрыгивая на выбоинах. Июньское солнце припекало, асфальт плавился, и в раскалённом воздухе дрожали силуэты прохожих. Света смотрела в окно — старые пятиэтажки, тесные дворы, верёвки с бельём, — и всё время ловила себя на том, что думает не о пациентах.

Он. Лестница. Улыбка. И почему-то о женщине, которой, возможно, не существует.

А когда она вышла во двор, напряжение дня вдруг рассыпалось на мелкие смешные кусочки. Потому что тут хозяйничала Мурка.

На Лесной Света пошла к пациентке одна. Валерий остался — сказал, что подождёт в машине. Но когда Света вышла из второго подъезда, где обслужила двух пациентов, Валерий стоял у машины с сигаретой и смотрел во двор, вид у него был такой будто он собирался бежать в бомбоубежище.

Во дворе шла подготовка к боевым действиям.

Из окна первого этажа — оно было открыто настежь Мурка сидела на подоконнике и внимательно разглядывала все что творится в ее владениях шторку отодвинули в сторону и из окна высунулась баба Зина. Маленькая, сухонькая, старушка в халате с цветами. Увидев Валерия, она сразу ожилилась:

— Ой, здравствуйте! А я смотрю — вы тут стоите. Спина-то у вас как? Не болит?

— Не болит, — сказал Валерий.

— Ну и хорошо. А то я вам мазь хочу предложить. С мумиё. Очень помогает.

— Спасибо, пробормотал Валерий пуская кольца дыма.

— Спасибо — это не ответ, — сказала тётя Зина. — Вот если заболит — вы мне скажите. У меня лишний тюбик есть. Я вам дам.

— Хорошо, — сказал Валерий.

— Тётя Зина вздохнула и вдруг посмотрела куда-то в сторону подъезда. — Ой. А вот и он. Со своим Барсиком. Идет.

Валерий обернулся. Во двор входил сосед — дядька с рыжим псом по кличке Барсик. Пёс был огромный, лохматый, с мордой кирпичом.

— Ну вот, опять, — сказала тётя Зина. — Сейчас если с Муркой сойдутся — опять драка будет. Я её держу-держу, а она всё равно. Вы уж не уходите, а то я одна не разниму.

С этими словами она вытащила из-за занавески веник — старенький, потрёпанный — и положила его на подоконник. Рядом с Муркой. Как оружие.

— Это зачем? — спросил Валерий.

— А как сцепятся — я в них пульну, — сказала тётя Зина. — Помогает. В прошлый раз помогло.

Тут Барсик увидел Мурку. Мурка сидела на подоконнике — того самого открытого окна, рядом с веником. Первый этаж, но подоконник высоко. Псу туда не достать.

Пёс присел. Шерсть на загривке у него встала дыбом..

— Ну вот, начинается, — сказала тётя Зина. — Я же говорила.

И Барсик рванул к окну.

— Барсик! Стой! — заорал сосед.

Пёс подбежал и прыгнул. Встал на задние лапы, вытянулся во всю длину — но до подоконника не достал. Только передними лапами по стене скрёб. Прыгнул ещё раз. Ещё. Лаял, хрипел, вертелся под окном.

А Мурка смотрела на него сверху. Как на передачу про мышей.

И тут она свесилась с подоконника. И — раз! Лапой по морде. Прямо по носу.

Барсик взвизгнул. Отскочил. Залаял пуще прежнего.

— Мурка, не надо! — закричала тётя Зина.

Но Мурка уже не слушала. Она свесилась ещё ниже. И — раз! Ещё раз по морде. А потом — прыгнула. Прямо на него. Сверху.

Что было дальше — Валерий потом рассказывал Свете уже в машине, по дороге. Но даже то, что она видела своими глазами, не укладывалось в голову. Кошка — небольшая, пушистая, с бантиком на шее — налетела на пса, как коршун. Пёс взвизгнул. Заметался. А Мурка — на нём. По морде. По ушам. По чему попало.

— Барсик! — орал сосед. — Барсик, ко мне!

Барсик не шёл. Барсик уже не мог идти. Барсик лежал.

И тут тётя Зина схватила веник. Размахнулась. И — пуль-

нула.

Веник полетел через двор. Пролетел мимо Мурки. Пролетел мимо Барсика. И шлёпнулся прямо на голову соседу.

— Тётя Зина! — заорал сосед. — Вы что, сдурели?!

— Ой! — тётя Зина всплеснула руками. — Мимо! Я в них целилась!

— В кого — в них?! Я вам что, кошка?!

— Так вы же рядом стояли!

Света смотрела, открыв рот. Валерий стоял рядом и курил, как будто смотрел телевизор.

— Это что сейчас было? — спросила она.

— А это, доктор, — Валерий затушил сигарету, — Мурка. Та самая. Которая Барсика не долюбливает. И хозяйка её, тётя Зина. Которая в них веником пуляет. В прошлый раз, говорит, помогло.

— А в этот?

— А в этот — соседу по голове.

Светлана:

Кошка прыгнула с Барсика. Отряхнулась. И пошла к подъезду королевской походкой. Спокойно так. Как будто боя с Барсиком и не было. Мол, я что ничего такого и не было.

Сосед подбежал к своему псу. Пёс лежал на боку, на носу кровь, и тихо скулил. Сосед его поднял. Пёс хромал.

— Я на неё в суд подам, — сказал сосед, ни к кому не обращаясь.

— На кого? — спросил Валерий.

— На кошку!

— На кошку в суд не подашь, — сказал Валерий. — Она несовершеннолетняя. Пошутил Валерий.

Света фыркнула. Тётя Зина наконец закрыла окно — на щеколду, демонстративно. А Мурка уже сидела на подоконнике, за стеклом. Как ни в чём не бывало. И смотрела на улицу. Как будто ждала следующего.

Валерий открыл дверцу машины:

— Садитесь, доктор. Поехали. Пока она в нас веник не пульнула.

Света уселась рядом. Смех подступал к горлу. Она попыталась сдержаться — и не смогла. Расхохоталась так, что пришлось схватиться за живот.

— Валерий Александрович, — проговорила она сквозь смех, — пока я работала, у вас тут весело было.

— А то, — важно кивнул Валерий. — Я же говорил: не уходите, а то я один не разниму. А вы ушли. Вот и получилось — Мурка, Барсик, веник, тётя Зина. Полный набор.

Света вытерла глаза.

— А может, ты просто нравишься хозяйке кошки?

— Не, доктор. — Валерий покачал головой. — Я не в её вкусе. Она на меня смотрит как на пациента. Всё спрашивала, не болит ли у меня спина. А потом сказала, что если заболит — я знаю, куда идти. За мазью.

— И вы взяли?

— А как же. — Валерий хлопнул себя по карману. Она как цыганка прилипла. — что делать было. Взял. А то обидится.

Света расхохоталась снова. И в этом смехе — лёгком, неожиданном, почти детском — было что-то такое, чего она не чувствовала уже давно. Как будто на минуту отпустило. Как будто не было ни лестницы, ни щелчка, ни ревности к женщине, которой, может быть, и нет. Только дорога, уазик, дребезжащий на выбоинах, и Валерий, который умеет рассказать про кошку так, что хочется смеяться.

— Что-то ты развеселилась, — заметил Валерий, посмотрев на неё. — А утром была тихая.

— Утром я ещё не знала про Мурку, — отозвалась Света.

— Это верно, — согласился Валерий. — Мурка это кадр. Без Мурки никуда.

К четырём она вернулась в поликлинику. Усталая, с испариной на лбу. В коридоре было тихо. Ирина так и не пришла. В пять минут пятого Света вышла в коридор — пусто. Только в дальнем конце, за стойкой, сидела Людмила Ивановна — администратор, женщина крупная, с высокой укладкой и строгими очками на цепочке. Рядом крутилась Вика, диспетчер, с вечно сбившейся набок чёлкой и наушником в одном ухе. Увидев Свету, Людмила Ивановна подняла руку:

— Светлана Александровна! Для вас оставили записку. — Она протянула сложенный вдвое листок. — Женщина в тёмном костюме. Сказала, что вы поймёте.

Света развернула послание: «Светлана Александровна, к

сожалению, из-за неотложных дел не получается сегодня встретиться с вами, как мы с вами ранее условились. Предлагаю перенести нашу встречу на другой день, о времени договоримся. Я найду вас сама. С уважением, Ирина». Почерк был ровный, без наклона. Она перечитала дважды, потом сунула листок в карман халата.

— Спасибо, Людмила Ивановна.

— Ага, — отозвалась та и снова уткнулась в бумаги. Вика вытащила наушник и, еле сдерживая любопытство, спросила:

— А кто была эта женщина в чёрном?

— Не твоего ума дело, — отрезала администратор, не поднимая глаз.

Света уже шла по коридору — и думала: всё это очень странно. Департамент. Ирина. Встреча. Интересно, что она от меня хотела?

Света закрыла за собой дверь в кабинете села за компьютер. За день много накопилось: приёмы, которые она не успела дооформить, вызова — их надо было занести в электронную карту, поставить диагнозы, назначения. Работа механическая, привычная — руки делали, голова отдыхала. Или, наоборот, думала о своём.

Бумажные амбулаторные карты ещё утром забрала медсестра — унесёт в статистику, операторам. Туда, в это самое отделение. Туда, где он.

Света поймала себя на этой мысли и рассердилась. Ну и

что? Мало ли, кто там работает. И вообще — она даже не знает его. Только имя- Игорь. Она вздрогнула и уставилась в монитор.

Светлана:

Около пяти она закрыла последнюю электронную карту. Выглянула в пустой коридор и выдохнула — с облегчением. День закончился. Можно было снять халат, собрать вещи, пойти домой.

Но где-то в душе, вперемешку с усталостью, шевельнулось другое. Сожаление. Она стояла в дверях кабинета, глядя в длинный пустой коридор. Там никого не было. Игоря не было. Она отчётливо поняла: сегодня он больше не пройдёт мимо. Не заглянет в окно. Не столкнётся с ней на лестнице. День закончился, а вместе с ним — и эта маленькая надежда.

Света медленно сняла халат, повесила его на крючок. Всё как всегда. Только внутри, в душе, что-то изменилось.

Она собрала сумку, выключила свет в кабинете, закрыла дверь и спустилась на первый этаж. В холле уже почти никого не было — только охранник за стойкой да уборщица с ведром в дальнем углу. Света подошла к доске с ключами — старой, деревянной, с рядами крючков и табличками. Нашла свой: «Кабинет 42. Соловьёва». Сняла ключ с кольца, повесила на крючок. Ключ тихо звякнул — коротко, буднично. Этот звук она слышала каждый вечер. Сотни раз. Но сегодня он почему-то отозвался внутри — как точка. Конец дня. Конец ожидания.

Она вышла из поликлиники. Дверь закрылась за спиной с мягким щелчком. Вечерний воздух ударил в лицо — тёплый, с запахом пыли и асфальта. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотые тона. Света постояла секунду на крыльце, глядя на улицу. Потом поправила сумку на плече и медленно побрела по улице.

Солнце слепило глаза, и она щурилась, будто пытаясь разглядеть в прохожих его силуэт. Мимо спешили люди — рабочий день заканчивался. А Света шла, не замечая никого, будто плыла сквозь этот вечерний поток. Она думала о нём. Вспоминала его глаза и улыбку — и на душе становилось тепло и спокойно.

Домой она дошла, не заметив дороги. Только у подъезда опомнилась, достала ключи. Дверь подъезда скрипнула, знакомо потянуло сыростью и кошками. Лифт, как назло, не работал — пришлось пешком. Света поднималась на третий этаж, считая ступени: раз, два, три... Двенадцать ступеней, площадка, ещё двенадцать. Ноги гудели, но это была приятная усталость — та, после которой хорошо спится.

На своей площадке она остановилась. Постояла секунду, слушая тишину. Потом открыла дверь.

Дома пахло пылью и старыми книгами. Света сбросила туфли, прошла на кухню. И только тогда поняла, что улыбается.

Чайник со свистком на плите громко запищал и пустил мощную струю пара. Света сделала себе какао, уселась на

маленький диванчик, стоящий тут же на кухне, и решила позвонить своей подруге Наташе.

— Ты не поверишь, — начала Света и осеклась, потому что сама не знала, чему именно не стоит верить: тому, что она вообще об этом думает, или тому, что ей хочется об этом думать. — У нас новый заведующий отделением статистики... инженер-программист.

— Ну и? — Наташин голос прозвучал без интереса, и в трубке было слышно, как она режет лук — нож ровно и ритмично стучал по деревянной доске.

— Ничего... — Света нервно рассмеялась. — Просто он красивый. Очень!

— Ого! — Наташа присвистнула. Нож перестал стучать. — Светка Соловьёва сказала «красивый»? Давай, выкладывай! Как он выглядит? Где ты его увидела?

— Это совсем другое... — Света почувствовала, как щёки заливают жар. — Там было не то. А тут я просто стояла и дышать не могла!

— Слушай, я сама не понимаю, — призналась Света, и голос у неё вдруг стал тихим, почти виноватым. — Я просто стояла на лестнице, и... он прошёл мимо. И я вдруг поняла, что забыла, как дышать. Это звучит глупо, да?

Наташа помолчала секунду — и вдруг рассмеялась не насмешливо, а тепло:

— Глупо? Нет. Это звучит как то, от чего мы отвыкли. От чего отучиваемся, потому что «надо быть серьёзными». А ты

просто почувствовала. И это нормально.

Света положила трубку, прошла в комнату, легла на диван. Мысли крутились: лестница, солнце, его запястье. Она закрыла глаза и представила, что скажет ему завтра, если увидит. «Здравствуйте. Я Света. Мы вчера столкнулись...» Нет, слишком просто. Просто я что? Она не знала. И от этого незнания становилось

Светлана:

и страшно, и радостно одновременно. Впервые за долгое время она позволила себе просто чувствовать. Без плана. Без анализа.

Света посмотрела на полку, где стояла старая резная шкапулка из тёмного дерева. Бабушка подарила её незадолго до смерти. Сказала: «Когда-нибудь тебе это пригодится, Света». Света тогда только кивнула, положила шкапулку на полку и забыла о ней. Но сегодня она подошла, провела пальцами по крышке. Хотела открыть, но в последний момент отдернула руку.

«Не сейчас, — сказала она себе. — Завтра».

Перед сном она достала лёгкое летнее платье с цветочным принтом. Повесила на спинку стула, улыбнулась своему отражению в тёмном окне. Завтра — пятница.

«Я даже не знаю, какой он человек и с каким характером, — сказала она себе. — Но это не важно. Сегодня я просто счастлива. А завтра я увижу его. Или не увижу. Но я буду там. На лестнице. Готовая к тому, что будет. Или не будет.

Но я буду там».

Ожидание было как царапина на стекле — крошечная, но заметная. Она не мешала идти, но напоминала о себе при каждом шаге. И именно эта маленькая боль была единственным доказательством, что в её жизни есть что-то стоящее, настоящее. Что она ещё способна чувствовать.

Она не знала, что в это же время, в нескольких кварталах от неё, другой человек тоже не мог уснуть.

Игорь тем временем сидел в своей пустой квартире. Он снял часы, положил их на стол. Рядом — пачка сигарет и пепельница, полная окурков. Он давно собирался бросить, но сегодня рука сама потянулась к пачке. Он не закурил. Просто держал её в пальцах, вертя, как чётки.

В тишине часы казались слишком громкими, будто отсчитывали не минуты, а его растерянность. Он смотрел на них и думал о той женщине с лестницы. Он не знал, как её зовут. Не знал, кто она. Но в её взгляде было что-то, от чего у него внутри что-то дрогнуло. Он провёл рукой по волосам, усмехнулся сам себе: «Идиот. Ты даже не знаешь её имени. А уже думаешь о ней». Но усмешка не помогла. Мысль не уходила.

Он взял телефон, открыл контакты, нашёл брата. Написал: «Встретил сегодня странную женщину. На лестнице в поликлинике. Не знаю, кто она. Но я не могу её забыть». Через минуту пришёл ответ: «Идиот. Ты влюбился». Игорь усмехнулся, убрал телефон. Он снова посмотрел на часы —

и вдруг понял, что не слышит их тиканья. Он поднёс их к уху. Тикали. Ровно, спокойно, как всегда. И где-то далеко, на самом дне этого тиканья, ему почудился щелчок — как будто кто-то щёлкнул пальцами.

Он перевёл взгляд на сумку, где лежала папка с отчётом, и открыл её. Цифры, ряды цифр — работа статистов. Обычно он доверял им. Но сегодня он листал страницы и чувствовал, что что-то не так. Подпись Галины Павловны — его подчинённой — стояла под документами, которых на совещании не было. Суммы не сходились. Ненамного. Но достаточно, чтобы насторожиться.

Он сфотографировал страницу — на всякий случай.

И поймал себя на странной мысли: интересно, а она, та женщина с лестницы, тоже сейчас сидит над какими-нибудь бумагами? Тоже устала? Тоже смотрит в окно?

Он не знал ответа. Но почему-то от этой мысли стало теплее.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1

Света спускалась с третьего этажа, прижимая к груди стопку амбулаторных карт. Участковый терапевт. По нормативам — восемнадцать человек в смену. А кто их считал, эти нормативы. Белый халат прилип к спине, по вискам стекали капли пота. Она машинально провела ладонью по затылку — привычка, оставшаяся с юности, когда волосы были длинными. Она шла, глядя под ноги, и мысленно перебирала предстоящий приём: маска участия и фальшивая улыбка, кото-

рую она надевала для каждого пациента. Света не спешила, наслаждаясь короткой передышкой. Она ещё не знала, что это — последнее спокойное утро в её жизни.

На площадке между вторым и третьим этажами солнце заливало всё пространство. Лучи золотили плитку на ступенях, играли на пыльных перилах, скользили по кафельному полу. Через открытое окно повеяло ароматом лилий, пионов и свежескошенной травы. Где-то вдалеке стрекотали кузнечики. Света остановилась на мгновение, прикрыла глаза — и в этот момент снизу слышались шаги.

Быстрые, лёгкие, летящие. Раз-два-три — отдавалось по лестнице. Её сердце подхватило этот ритм за секунду до того, как тёмная фигура возникла в светлом проёме.

Она открыла глаза — и мир вдруг стал слишком ярким, будто кто-то выкрутил свет на максимум. Звуки наслоились друг на друга: скрип двери на третьем этаже, чей-то кашель, далёкий звонок телефона — всё звучало оглушительно, кроме одного: его шагов. И только он оставался чётким, как единственный предмет в резком фокусе. Пол под ногами стал ненадёжным, будто ступенька вдруг стала на сантиметр выше, чем нужно. Она невольно схватилась за перила, но даже холодная шершавость металла не могла вернуть ей чувство реальности. Только он. Всё остальное — шум.

Он поднимался по лестнице ей навстречу, и солнечные лучи путались в его тёмных волосах, коротко стриженных ёжиком. Свет падал на плечи, обтянутые серой футболкой, за-

держивался на скулах, на испанской бородке. На нём не было белого халата и бейджика — он казался случайным гостем в этом душном, пропахшем лекарствами коридоре. Незнакомец, который в один миг стал центром её Вселенной.

Её взгляд скользнул по нему: механические часы на левом запястье с потёртым кожаным ремешком. На циферблате — крошечная царапина в форме молнии, будто кто-то провёл по стеклу ногтем. И вдруг — щелчок. Не громкий, а именно отчётливый, как если бы кто-то щёлкнул пальцами прямо у неё над ухом. Этот звук ударил по нервам, и на мгновение ей показалось, что время замерло. Потом оно снова пошло — но уже по другим правилам. «Просто часы», — сказала она себе. Но сердце билось так, будто это был сигнал. Всё изменилось.

Он поравнялся с ней. На долю секунды их плечи соприкоснулись — ткань о ткань, и в этом касании было что-то до смешного будничное, почти неловкое: как будто они оба чуть не столкнулись и в последний момент чуть-чуть подправили шаг. Сначала она почувствовала это кожей — мимолётное касание ткани, тепло чужого тела. А потом это тепло проникло глубже, внутрь, и остановилось где-то в области солнечного сплетения. Словно маленькое тёплое солнышко. Оно не жгло, не пульсировало — просто было. И от этого становилось и страшно, и спокойно одновременно. Взгляды встретились: его — тёмный, почти чёрный, и её — растерянный, голубой.

— Простите, не подскажите, где тут кабинет восемьдесят три? — спросил он, на секунду сбившись с шага, будто сам удивился, что заговорил. Улыбка вышла не безупречной, а чуть кривой — как будто он не привык просить о помощи. И от этой неидеальности она запомнилась сразу, навсегда.

Светлана:

Он шагнул в сторону, чтобы пропустить её, и в этот момент стопка карт в её руках поехала вбок. Одна карта скользнула вниз. Он машинально придержал её — ладонью, коротко, почти не касаясь. Карта замерла. Он посмотрел на неё, потом на Свету. На секунду их руки оказались рядом — его пальцы на карте, её — на стопке.

— Осторожно, — сказал он тихо. — А то потеряете.

Он убрал руку и пошёл дальше. Но запах остался — мята, лёгкая горчинка, что-то тёплое и живое. И под этим — табак. Едва уловимый, будто он курил недавно, а потом долго шёл по улице. В воздухе. В памяти. Она стояла на ступеньке и чувствовала его всем своим существом.

«Господи. Какая глупость — стоять столбом посреди лестницы», — пронеслось у неё в голове. Она представила, как он оборачивается, как смотрит на неё с той же полуулыбкой. И тут же испугалась: «А если он обернётся, и я не смогу сказать ни слова?» Она сжала карты так, что края врезались в пальцы. «Пусть идёт, — сказала она себе. — Пусть запомнит меня не растерянной душой с трясущимися руками». Но внутри, глубоко, под слоем страха и стыда, жило другое: «А

если он запомнит меня именно такой? Если ему понравится, что я не умею притворяться?» Она не знала. И от этого незнания кружилась голова.

Шаги затихли. А она всё ещё стояла, прижимая к груди карты, боясь пошевелиться. Ноги стали ватными. «Господи», — выдохнула она в пустой пролёт. Неровной, шатающейся походкой добралась до кабинета, рухнула на стул и несколько минут, не отрываясь, смотрела на трещину в потолке. Руки дрожали мелкой дрожью, пальцы не слушались. Она прижала к себе карты — но руки были словно не её. Пальцы разжались, и стопка амбулаторных карт тут же рассыпалась веером. Лёгкое шуршание по полу прозвучало в тишине оглушающе громко.

Где-то в коридоре хлопнула дверь, и этот звук вернул её в реальность. Она судорожно вдохнула, наклонилась, подхватила карты, торопливо сложила на стол. «Соберись. Ты на работе».

В дверь постучали:

— Можно войти?

На пороге стоял пожилой мужчина. Света вздрогнула, будто её ударило током.

— Да, проходите, присаживайтесь, — пригласила она. — Ваша фамилия?

Мужчина помялся на пороге, потом вздохнул:

— Петров. Пётр Петрович.

Света быстро нашла карту в стопке.

— Ага, вот вы... — Она открыла карту, поставила дату, стараясь, чтобы рука не дрожала. — Слушаю вас. На что жалуетесь?

— Да всё болит, доктор, — протянул он. — Спина... Вчера картошку копал — прихватило. Давление скачет до ста восьмидесяти, голова кружится. Вчера упал, испугался, думал — инсульт.

Света кивнула, стараясь не выдать, что мысли её где-то далеко.

— Давайте посмотрим, — она взяла фонендоскоп, на секунду зажмурилась, прогоняя образ лестницы. Послушала лёгкие, сердце. — Спину покажите, — скомандовала она чуть резче, чем хотела.

Пациент послушно повернулся, кряхтя.

— Ой! Вот тут, — поморщился он от боли, когда она нажала на позвоночник.

Света попыталась улыбнуться искренне, а не дежурно:

— Ну, отчаиваться не стоит. Полечитесь — и всё наладится. Пётр Петрович, а анализы давно сдавали?

— Давно. Всё некогда, — буркнул он. — То огород, то внуки...

Света вздохнула и взялась за ручку:

— Так, сейчас поднимитесь в лабораторию, в восемьдесят третий кабинет. Сдадите кровь, мочу, сделаете кардиограмму. Я вас запишу на рентген через два дня. Как результаты будут готовы — жду вас на повторный приём, тогда и направ-

лю к неврологу. А пока таблетки попьёте, а там посмотрим.

Мужчина облегчённо выдохнул, поднялся — и вдруг задержался у двери:

— Вы бы отдохнули, доктор. Вид у вас уставший.

Света вздрогнула.

— Спасибо, — сказала она. — Всё в порядке.

Он вышел. Света проводила его взглядом, и улыбка сползла с лица. Перед глазами снова была лестница. Солнце. Его улыбка. Настоящая.

Она посмотрела на карту Петрова. Восемьдесят третий... Она уже слышала этот номер сегодня. Утром. На лестнице. Тот незнакомец спросил, где восемьдесят третий кабинет. Она не ответила ему. И теперь Петров шёл туда же.

Светлана:

Она дописала приём в электронную карту. Бумажную отложила в сторону — утром медсестра унесёт их в статистику, операторам, для ввода в компьютер.

Света взяла следующую карту. И следующую. Приём пошёл по кругу: ОРВИ, остеохондроз, стенокардия. Она размашисто черкала в карте — сама понимая что, потом не разберёт свой же почерк — слушала собственный голос: ровный, спокойный, и ей чудилось будто ее голос вовсе не ее, а какой то чужой незнакомой женщины. Вроде бы все как обычно, Света объясняла про дозировки, про время приёма. Но тот щелчок всё ещё звучал у неё в голове, возвращая её на ту лестницу. Дверь кабинета приоткрылась без стука. На поро-

ге стояла женщина лет сорока пяти — строгий тёмный костюм, идеальная укладка. Света не узнала её.

— Светлана Александровна? — голос был ровным, без эмоций. — Я Ирина Викторовна, из департамента здравоохранения. Разрешите войти?

Света поднялась:

— Конечно, проходите.

Ирина шагнула внутрь, но не села. Осталась стоять у стола — прямая, как струна. Пальцы её правой руки чуть постукивали по краю папки, которую она держала. Тук. Тук. Тук. Ровно, как метроном.

— Я к вам по личному вопросу. Но давайте поговорим в более спокойной обстановке — не сейчас, не во время приёма.

Она скользнула взглядом по кабинету, по стопке карт на столе. На секунду её взгляд задержался на окне. За стеклом ничего не происходило — только двор, серый асфальт, чьи-то машины. Но Ирина смотрела не на двор. Она будто прислушивалась — к чему-то за стеной, рядом с окном.

И тут за стеной, в соседнем кабинете, глухо застучали. Раз. Другой. Третий. Кто-то вколачивал гвоздь — наверное, чтобы повесить картину. Удары были тяжёлые, редкие, с паузой. Тук... тук... тук...

Ирина чуть склонила голову набок. Её пальцы на папке на секунду замерли — а потом снова выбивали тот же такт. Тук. Тук. Тук.

— Поговорим позже, когда приём будет окончен. Часа в четыре вас устроит?

Света кивнула, хотя внутри возникла смесь удивления и страха. В мыслях пронеслось: интересно, что могло понадобиться от неё сотруднице департамента?

Ирина чуть улыбнулась — одними губами — и вышла. Но её пальцы ещё секунду стучали по папке, прежде чем она закрыла за собой дверь.

Света опустилась на стул. Она никогда не видела эту женщину раньше.

Но думать об этом было некогда. Дверь кабинета снова открылась — вошёл следующий пациент. И приём покатился по накатанной: карты, даты, направления, рецепты. Где-то на задворках сознания всё ещё звучал голос Ирины: «Поговорим позже, когда приём будет окончен». И ещё — тот щелчок на лестнице.

Она ловила себя на том, что во время приёма смотрит в окно и ждёт, что он пройдёт по двору или встанет курить на площадке для курения напротив её окон. Она искала в воздухе запах — его запах, — но не находила. Картина за окном была неизменной: серый асфальт, раскидистые клёны, автомобили сотрудников.

Время текло как вода сквозь пальцы. К двенадцати пациенты рассеялись, как утренний туман под солнцем, и она почувствовала, что валится с ног от усталости. Пора было сделать перерыв.

Она закрыла последнюю карту, сняла халат, повесила его на спинку стула. Поправила волосы, взяла сумку и направилась обедать в столовую.

В это время в коридорах поликлиники было тихо — пациенты разошлись, врачи первой смены закончили приём, а вторая смена ещё не приступила к работе. Единичные пациенты попадались ей навстречу. Где-то вдалеке гудел поднимающийся лифт. Тишина была оглушительной, и каждый звук, раздававшийся в коридоре, был сильным и острым, как лезвие ножа. Света шла мимо дверей, мимо кабинетов. Из огромного окна лился свет.

Она спустилась по лестнице — по той самой, где утром столкнулась с ним. Задержалась на секунду. Прислушалась. Тишина. Только шаги — её собственные.

И пошла дальше — в сторону столовой.

Входные двери столовой были прозрачные, во всю стену. За ними уже кипела жизнь: сотрудники поликлиники — врачи, медсёстры, лаборанты, регистраторы — сидели за столиками, склонившись над подносами, переговаривались, смеялись, что-то читали в телефонах. Кто-то торопливо доедал суп, поглядывая на часы. Кто-то пил чай, откинувшись на спинку стула.

Светлана:

Света толкнула дверь — та мягко подалась. Внутри было шумно и тепло, пахло свежеприготовленной едой. Она взяла с полки поднос — серый, с потёртыми краями, — и встала

в короткую очередь к раздатке.

За стеклом раздатки повар в колпаке раскладывала по тарелкам пюре. Света кивнула на котлету, на пюре, попросила стакан чая с лимоном. Всё это легло на поднос — неловко, с краю, как всегда. Она поставила сверху приборы и салфетку.

На кассе сидела молодая девушка за кассовым аппаратом, который пищал на каждую позицию. Света отсчитала деньги, получила сдачу, положила мелочь в карман халата.

И пошла к своему любимому столику — дальнему, у окна. Отсюда был виден двор и высокие пушистые ели, что стояли стеной за забором; в солнечные дни их верхушки казались золотистыми. Света всегда садилась здесь, если место было свободно.

Она села, поставила поднос с едой на стол и залюбовалась видом. Белые облака плыли по голубому небу. Через открытое окно было слышно пение птиц. «Как красиво», — подумала Света.

Потом машинально поднесла чай к губам — привычно, не думая, как делала всегда: сначала глоток, потом выдох, потом можно начинать жить дальше. Но сегодня чай оказался слишком горячим, слишком терпким, будто язык забыл, какой он должен быть на вкус. Она поморщилась, но не отставила стакан.

Мысли вновь перенесли её назад. Она смотрела в окно, но видела только лестницу, солнце и его улыбку.

Рядом, за соседним столиком, кто-то громко рассмеял-

ся. Света вздрогнула так, будто её застали за чем-то строго запретным. Обернулась. Там сидели медсёстры — Галка и Надежда Ивановна. Галка что-то рассказывала, размахивая ложкой, и обе то и дело прыскали. Света отвернулась к своему чаю, но краем уха всё равно ловила их голоса.

— Надь, ты видела? Тот, в серой футболке, с часами... И знаешь, что странно? Он вроде идёт спокойно, а по коридору будто сквозняк пробегает. Все оборачиваются. Даже санитарки. Даже я.

Света сидела, не поднимая глаз, и делала вид, что ест. Поправила салфетку, отставила стакан. Но краем уха уже ловила каждое слово — как будто это её касалось. Как будто они говорили о ней.

— И представляешь, — продолжила Галка, отпив чай, — иду я в регистратуру, в руках стопка карт. А он как вылетит со стороны лестницы! Как рванул — я думала, за ним кто-то гонится. Летит, как торпеда, прямо на меня. Я еле отскочила. Хорошо хоть карты не выронила. А он даже не заметил — мимо пронёсся и в свой кабинет. Дверью хлопнул так, что стёкла задрожали. А у меня сердце как у зайца в груди колотится. Насилу успокоилась.

Надежда Ивановна хмыкнула, помешивая чай:

— Летит как торпеда, говоришь? А до этого — идёт спокойно, все оборачиваются? Что-то у тебя, Галка, он то пешком ходит, то летает. Определись уже.

— Ой, да ну тебя, — отмахнулась Галка. — Может, у него

день такой. Утром спокойный, а к обеду как подорвался. Мало ли.

— Мало ли, — поддакнула Надежда Ивановна, но Света поняла: она просто подкалывает Галку. — И куда он так летел-то? В свой кабинет?

— В свой, в свой, — кивнула Галка. — К статистистам. Говорят, там у них что-то стряслось. То ли отчёт не сошёлся, то ли компьютер завис. Он туда и примчался.

— Или к женщине, — сказала Надежда Ивановна и отпила чай.

Галка поперхнулась:

— К какой ещё женщине?

— К обыкновенной. В поликлинике женщин много. Ходят тут, в халатах, с картами... — Надежда Ивановна чуть усмехнулась. — А он летит, дверью хлопает, у всех сердце как у зайца. Может, у него тут не работа, а дело сердечное.

Галка притихла. Отставила чай и посмотрела на неё:

— Надь, ты что-то знаешь?

— Я ничего не знаю. Я просто чай пью и думаю. Ты вот говоришь — утром шёл спокойно, к обеду летел. Так не бывает, чтобы просто так. Значит, что-то его дёрнуло.

— Что?

— А вот это, милая, надо у него спросить. Или у той, из-за кого он с утра был как сонный, а к обеду — как ужаленный.

Галка задумалась. Потом медленно откусила котлету и проговорила с набитым ртом:

— Слушай... а может, и правда. Может, он тут с кем-то...
Светлана:

— Может, — сказала Надежда Ивановна. — Но пока это только чай и сплетни. Пей давай, а то простынет.

Галка фыркнула, но чашку взяла. И вдруг, как будто вспомнив что-то, добавила:

— А вообще, я его фамилию знаю. Игорь Сергеевич Белов. Заведующий отделением статистики. Говорят, из вычислительного центра к нам перешёл, инженер-программист. У него там и статисты, и операторы, и свои программисты — целый штат. Говорят, если у кого компьютер сдохнет — сам приходит и чинит. Представляешь? Заведующий — и с отвёрткой.

Света замерла с ложкой в руке.

Имя ударило, как разряд. Игорь. Она и не подозревала, что одно слово может так оглушить. Как будто она всё это время ждала, что его назовут, — и вот назвали. Теперь у него было имя. И от этого стало одновременно страшно и спокойно: он перестал быть просто незнакомцем из солнечного пятна. У него было имя. У него была фамилия. У него было отделение статистики, куда утром унесли её карты.

Рука со стаканом дрогнула. Ложка звякнула и упала на стол. Чай из стакана пролился. Света торопливо схватила салфетку и начала промокать лужицу, слишком усердно, слишком быстро. И вдруг замерла — сама не поняла, почему. Пальцы сжали салфетку, будто она хотела найти опору,

— но мокрая салфетка была мягкой. По спине пробежал холодок.

«Игорь», — прошептала она мысленно, пробуя имя на вкус.

После обеда она поднялась на второй этаж. В коридоре сильно пахло хлоркой — санитарка Татьяна мыла пол.

— Привет, Тань, — пробормотала Света, проходя мимо.

Татьяна подняла голову, тряхнула тряпкой:

— О, доктор! Ну и духота сегодня... Ещё и пол мыть! Хоть бы вентилятор дали, а то сдохну тут.

— Держись, — слабо улыбнулась Света. — Скоро лето кончится, полегче станет.

— Полегче? — Татьяна хмыкнула и вытерла лоб тыльной стороной ладони. — Ага, как же. Идут и идут. Грязь тащат с улицы, мусор, бумажки. А зарплата — двенадцать тысяч. Двенадцать! Я на рынке уборщицей больше получала.

Она махнула рукой и снова склонилась над ведром.

— Тут халат белый, а толку-то ноль. Как получали гроши, так и получаем, — проворчала она себе под нос.

Света пошла дальше, но слова Татьяны остались в ней — как заноза. Двенадцать тысяч. Грязь. Бесконечные пациенты. Она вдруг подумала: вот Татьяна — та мечтает о материальном. О нормальной зарплате и вентиляторе. А она, Света, стоит посреди коридора и думает о мужчине, который просто прошёл мимо. Глупо. Стыдно. Наверно, по-детски. Может быть. Но она ничего не могла с собой поделать.

И всё-таки что-то царапало. Слова Надежды Ивановны не выходили из головы: «Может, у него тут не работа, а дело сердечное». Кто она? Эта женщина, к которой он летел? Есть ли она вообще? Или это просто сплетня, пустая, как и все сплетни в поликлинике?

Света не знала. Но внутри что-то сжалось — маленькое, незнакомое, похожее на ревность. Она ведь совсем его не знает. Не знает, какой он человек, что он любит, как говорит, какой у него голос. Она видела его один раз в жизни — и то мельком, на лестнице. А уже ревнует. К кому? К женщине, которой, может быть, и нет.

«Дура», — сказала она себе и пошла к своему кабинету.

После обеда у неё были вызова. Света взяла чемодан неотложной помощи и спустилась к служебному выходу, где её уже ждал узик — старенький, дребезжащий, с выцветшим красным крестом на борту. За рулём сидел Валерий Александрович — вечно в кепке, с сигаретой за ухом и с улыбкой, которая, казалось, не сходила с его лица даже в сорокаградусную жару.

— Куда сегодня, доктор? — спросил он, оборачиваясь и подмигивая. — Только не говори, что опять на Лесную. Там бабка с первого этажа мне про свою кошку всё уши прожужжала. Говорит, та у неё телевизор смотрит. Представляешь? Кошка — и телевизор.

— На Лесную, — вздохнула Света, забираясь в кабину и пристраивая чемодан у ног.

— Ну вот, — Валерий хлопнул по рулю. — Я так и думал. Ладно, поехали. Только если она опять про кошку начнёт — я в машине посижу. Сделаю вид что газету читаю.

Светлана:

Уазик тронулся, подпрыгивая на выбоинах. Июньское солнце припекало, асфальт плавился, и в раскалённом воздухе дрожали силуэты прохожих. Света смотрела в окно — старые пятиэтажки, тесные дворы, верёвки с бельём, — и всё время ловила себя на том, что думает не о пациентах.

Он. Лестница. Улыбка. И почему-то о женщине, которой, возможно, не существует.

А когда она вышла во двор, напряжение дня вдруг рассыпалось на мелкие смешные кусочки. Потому что тут хозяйничала Мурка.

На Лесной Света пошла к пациентке одна. Валерий остался — сказал, что подождёт в машине. Но когда Света вышла из второго подъезда, где обслужила двух пациентов, Валерий стоял у машины с сигаретой и смотрел во двор, вид у него был такой будто он собирался бежать в бомбоубежище.

Во дворе шла подготовка к боевым действиям.

Из окна первого этажа — оно было открыто настежь Мурка сидела на подоконнике и внимательно разглядывала все что творится в ее владениях шторку отодвинули в сторону и из окна высунулась баба Зина. Маленькая, сухонькая, старушка в халате с цветами. Увидев Валерия, она сразу ожилилась:

— Ой, здравствуйте! А я смотрю — вы тут стоите. Спи-на-то у вас как? Не болит?

— Не болит, — сказал Валерий.

— Ну и хорошо. А то я вам мазь хочу предложить. С му-миё. Очень помогает.

— Спасибо, пробормотал Валерий пуская кольца дыма.

— Спасибо — это не ответ, — сказала тётя Зина. — Вот если заболит — вы мне скажите. У меня лишний тюбик есть. Я вам дам.

— Хорошо, — сказал Валерий.

— Тётя Зина вздохнула и вдруг посмотрела куда-то в сто-рону подъезда. — Ой. А вот и он. Со своим Барсиком. Идет.

Валерий обернулся. Во двор входил сосед — дядька с ры-жим псом по кличке Барсик. Пёс был огромный, лохматый, с мордой кирпичом.

— Ну вот, опять, — сказала тётя Зина. — Сейчас если с Муркой сойдутся — опять драка будет. Я её держу-держу, а она всё равно. Вы уж не уходите, а то я одна не разниму.

С этими словами она вытащила из-за занавески веник — старенький, потрёпанный — и положила его на подоконник. Рядом с Муркой. Как оружие.

— Это зачем? — спросил Валерий.

— А как сцепятся — я в них пульну, — сказала тётя Зина. — Помогает. В прошлый раз помогло.

Тут Барсик увидел Мурку. Мурка сидела на подоконнике — того самого открытого окна, рядом с веником. Первый

этаж, но подоконник высоко. Псу туда не достать.

Пёс присел. Шерсть на загривке у него встала дыбом..

— Ну вот, начинается, — сказала тётя Зина. — Я же говорила.

И Барсик рванул к окну.

— Барсик! Стой! — заорал сосед.

Пёс подбежал и прыгнул. Встал на задние лапы, вытянувшись во всю длину — но до подоконника не достал. Только передними лапами по стене скрёб. Прыгнул ещё раз. Ещё. Лаял, хрипел, вертелся под окном.

А Мурка смотрела на него сверху. Как на передачу про мышей.

И тут она свесилась с подоконника. И — раз! Лапой по морде. Прямо по носу.

Барсик взвизгнул. Отскочил. Залаял пуще прежнего.

— Мурка, не надо! — закричала тётя Зина.

Но Мурка уже не слушала. Она свесилась ещё ниже. И — раз! Ещё раз по морде. А потом — прыгнула. Прямо на него. Сверху.

Что было дальше — Валерий потом рассказывал Свете уже в машине, по дороге. Но даже то, что она видела своими глазами, не укладывалось в голову. Кошка — небольшая, пушистая, с бантиком на шее — налетела на пса, как коршун. Пёс взвизгнул. Заметался. А Мурка — на нём. По морде. По ушам. По чему попало.

— Барсик! — орал сосед. — Барсик, ко мне!

Барсик не шёл. Барсик уже не мог идти. Барсик лежал. И тут тётя Зина схватила веник. Размахнулась. И — пульнула.

Веник полетел через двор. Пролетел мимо Мурки. Пролетел мимо Барсика. И шлёпнулся прямо на голову соседу.

— Тётя Зина! — заорал сосед. — Вы что, сдурели?!

— Ой! — тётя Зина всплеснула руками. — Мимо! Я в них целилась!

— В кого — в них?! Я вам что, кошка?!

— Так вы же рядом стояли!

Света смотрела, открыв рот. Валерий стоял рядом и курил, как будто смотрел телевизор.

— Это что сейчас было? — спросила она.

— А это, доктор, — Валерий затушил сигарету, — Мурка. Та самая. Которая Барсика не долюбливает. И хозяйка её, тётя Зина. Которая в них веником пуляет. В прошлый раз, говорит, помогло.

— А в этот?

— А в этот — соседу по голове.

Светлана:

Кошка прыгнула с Барсика. Отряхнулась. И пошла к подъезду королевской походкой. Спокойно так. Как будто боя с Барсиком и не было. Мол, я что ничего такого и не было.

Сосед подбежал к своему псу. Пёс лежал на боку, на носу кровь, и тихо скулил. Сосед его поднял. Пёс хромал.

— Я на неё в суд подам, — сказал сосед, ни к кому не обращаясь.

— На кого? — спросил Валерий.

— На кошку!

— На кошку в суд не подашь, — сказал Валерий. — Она несовершеннолетняя. Пошутил Валерий.

Света фыркнула. Тётя Зина наконец закрыла окно — на щеколду, демонстративно. А Мурка уже сидела на подоконнике, за стеклом. Как ни в чём не бывало. И смотрела на улицу. Как будто ждала следующего.

Валерий открыл дверцу машины:

— Садитесь, доктор. Поехали. Пока она в нас веник не пульнула.

Света уселась рядом. Смех подступал к горлу. Она попыталась сдержаться — и не смогла. Расхохоталась так, что пришлось схватиться за живот.

— Валерий Александрович, — проговорила она сквозь смех, — пока я работала, у вас тут весело было.

— А то, — важно кивнул Валерий. — Я же говорил: не уходите, а то я один не разниму. А вы ушли. Вот и получилось — Мурка, Барсик, веник, тётя Зина. Полный набор.

Света вытерла глаза.

— А может, ты просто нравишься хозяйке кошки?

— Не, доктор. — Валерий покачал головой. — Я не в её вкусе. Она на меня смотрит как на пациента. Всё спрашивала, не болит ли у меня спина. А потом сказала, что если за-

болит — я знаю, куда идти. За мазью.

— И вы взяли?

— А как же. — Валерий хлопнул себя по карману. Она как цыганка прилипла. — что делать было. Взял. А то обидится.

Света расхохоталась снова. И в этом смехе — лёгком, неожиданном, почти детском — было что-то такое, чего она не чувствовала уже давно. Как будто на минуту отпустило. Как будто не было ни лестницы, ни щелчка, ни ревности к женщине, которой, может быть, и нет. Только дорога, уазик, дребезжащий на выбоинах, и Валерий, который умеет рассказать про кошку так, что хочется смеяться.

— Что-то ты развеселилась, — заметил Валерий, посмотрев на неё. — А утром была тихая.

— Утром я ещё не знала про Мурку, — отозвалась Света.

— Это верно, — согласился Валерий. — Мурка это кадр. Без Мурки никуда.

К четырём она вернулась в поликлинику. Усталая, с испариной на лбу. В коридоре было тихо. Ирина так и не пришла. В пять минут пятого Света вышла в коридор — пусто. Только в дальнем конце, за стойкой, сидела Людмила Ивановна — администратор, женщина крупная, с высокой укладкой и строгими очками на цепочке. Рядом крутилась Вика, диспетчер, с вечно сбившейся набок чёлкой и наушником в одном ухе. Увидев Свету, Людмила Ивановна подняла руку:

— Светлана Александровна! Для вас оставили записку.

— Она протянула сложенный вдвое листок. — Женщина в

тёмном костюме. Сказала, что вы поймёте.

Света развернула послание: «Светлана Александровна, к сожалению, из-за неотложных дел не получается сегодня встретиться с вами, как мы с вами ранее условились. Предлагаю перенести нашу встречу на другой день, о времени договоримся. Я найду вас сама. С уважением, Ирина». Почерк был ровный, без наклона. Она перечитала дважды, потом сунула листок в карман халата.

— Спасибо, Людмила Ивановна.

— Ага, — отозвалась та и снова уткнулась в бумаги. Вика вытащила наушник и, еле сдерживая любопытство, спросила:

— А кто была эта женщина в чёрном?

— Не твоего ума дело, — отрезала администратор, не поднимая глаз.

Света уже шла по коридору — и думала: всё это очень странно. Департамент. Ирина. Встреча. Интересно, что она от меня хотела?

Света закрыла за собой дверь в кабинете села за компьютер. За день много накопилось: приёмы, которые она не успела дооформить, вызова — их надо было занести в электронную карту, поставить диагнозы, назначения. Работа механическая, привычная — руки делали, голова отдыхала. Или, наоборот, думала о своём.

Бумажные амбулаторные карты ещё утром забрала медсестра — унесёт в статистику, операторам. Туда, в это самое

отделение. Туда, где он.

Света поймала себя на этой мысли и рассердилась. Ну и что? Мало ли, кто там работает. И вообще — она даже не знает его. Только имя- Игорь. Она вздрогнула и уставилась в монитор.

Светлана:

Около пяти она закрыла последнюю электронную карту. Выглянула в пустой коридор и выдохнула — с облегчением. День закончился. Можно было снять халат, собрать вещи, пойти домой.

Но где-то в душе, вперемешку с усталостью, шевельнулось другое. Сожаление. Она стояла в дверях кабинета, глядя в длинный пустой коридор. Там никого не было. Игоря не было. Она отчётливо поняла: сегодня он больше не пройдёт мимо. Не заглянет в окно. Не столкнётся с ней на лестнице. День закончился, а вместе с ним — и эта маленькая надежда.

Света медленно сняла халат, повесила его на крючок. Всё как всегда. Только внутри, в душе, что-то изменилось.

Она собрала сумку, выключила свет в кабинете, закрыла дверь и спустилась на первый этаж. В холле уже почти никого не было — только охранник за стойкой да уборщица с ведром в дальнем углу. Света подошла к доске с ключами — старой, деревянной, с рядами крючков и табличками. Нашла свой: «Кабинет 42. Соловьёва». Сняла ключ с кольца, повесила на крючок. Ключ тихо звякнул — коротко, буднично. Этот звук она слышала каждый вечер. Сотни раз. Но сегодня

он почему-то отозвался внутри — как точка. Конец дня. Конец ожидания.

Она вышла из поликлиники. Дверь закрылась за спиной с мягким щелчком. Вечерний воздух ударил в лицо — тёплый, с запахом пыли и асфальта. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в розово-золотые тона. Света постояла секунду на крыльце, глядя на улицу. Потом поправила сумку на плече и медленно побрела по улице.

Солнце слепило глаза, и она щурилась, будто пытаясь разглядеть в прохожих его силуэт. Мимо спешили люди — рабочий день заканчивался. А Света шла, не замечая никого, будто плыла сквозь этот вечерний поток. Она думала о нём. Вспоминала его глаза и улыбку — и на душе становилось тепло и спокойно.

Домой она дошла, не заметив дороги. Только у подъезда опомнилась, достала ключи. Дверь подъезда скрипнула, знакомо потянуло сыростью и кошками. Лифт, как назло, не работал — пришлось пешком. Света поднималась на третий этаж, считая ступени: раз, два, три... Двенадцать ступеней, площадка, ещё двенадцать. Ноги гудели, но это была приятная усталость — та, после которой хорошо спится.

На своей площадке она остановилась. Постояла секунду, слушая тишину. Потом открыла дверь.

Дома пахло пылью и старыми книгами. Света сбросила туфли, прошла на кухню. И только тогда поняла, что улыбается.

Чайник со свистком на плите громко запищал и пустил мощную струю пара. Света сделала себе какао, уселась на маленький диванчик, стоящий тут же на кухне, и решила позвонить своей подруге Наташе.

— Ты не поверишь, — начала Света и осеклась, потому что сама не знала, чему именно не стоит верить: тому, что она вообще об этом думает, или тому, что ей хочется об этом думать. — У нас новый заведующий отделением статистики... инженер-программист.

— Ну и? — Наташин голос прозвучал без интереса, и в трубке было слышно, как она режет лук — нож ровно и ритмично стучал по деревянной доске.

— Ничего... — Света нервно рассмеялась. — Просто он красивый. Очень!

— Ого! — Наташа присвистнула. Нож перестал стучать. — Светка Соловьёва сказала «красивый»? Давай, выкладывай! Как он выглядит? Где ты его увидела?

— Это совсем другое... — Света почувствовала, как щёки заливают жар. — Там было не то. А тут я просто стояла и дышать не могла!

— Слушай, я сама не понимаю, — призналась Света, и голос у неё вдруг стал тихим, почти виноватым. — Я просто стояла на лестнице, и... он прошёл мимо. И я вдруг поняла, что забыла, как дышать. Это звучит глупо, да?

Наташа помолчала секунду — и вдруг рассмеялась не насмешливо, а тепло:

— Глупо? Нет. Это звучит как то, от чего мы отвыкли. От чего отучиваемся, потому что «надо быть серьёзными». А ты просто почувствовала. И это нормально.

Света положила трубку, прошла в комнату, легла на диван. Мысли крутились: лестница, солнце, его запястье. Она закрыла глаза и представила, что скажет ему завтра, если увидит. «Здравствуйте. Я Света. Мы вчера столкнулись...» Нет, слишком просто. Просто я что? Она не знала. И от этого незнания становилось

Светлана:

и страшно, и радостно одновременно. Впервые за долгое время она позволила себе просто чувствовать. Без плана. Без анализа.

Света посмотрела на полку, где стояла старая резная шкапулка из тёмного дерева. Бабушка подарила её незадолго до смерти. Сказала: «Когда-нибудь тебе это пригодится, Света». Света тогда только кивнула, положила шкапулку на полку и забыла о ней. Но сегодня она подошла, провела пальцами по крышке. Хотела открыть, но в последний момент отдернула руку.

«Не сейчас, — сказала она себе. — Завтра».

Перед сном она достала лёгкое летнее платье с цветочным принтом. Повесила на спинку стула, улыбнулась своему отражению в тёмном окне. Завтра — пятница.

«Я даже не знаю, какой он человек и с каким характером, — сказала она себе. — Но это не важно. Сегодня я просто

счастлива. А завтра я увижу его. Или не увижу. Но я буду там. На лестнице. Готовая к тому, что будет. Или не будет. Но я буду там».

Ожидание было как царапина на стекле — крошечная, но заметная. Она не мешала идти, но напоминала о себе при каждом шаге. И именно эта маленькая боль была единственным доказательством, что в её жизни есть что-то стоящее, настоящее. Что она ещё способна чувствовать.

Она не знала, что в это же время, в нескольких кварталах от неё, другой человек тоже не мог уснуть.

Игорь тем временем сидел в своей пустой квартире. Он снял часы, положил их на стол. Рядом — пачка сигарет и пепельница, полная окурков. Он давно собирался бросить, но сегодня рука сама потянулась к пачке. Он не закурил. Просто держал её в пальцах, вертя, как чётки.

В тишине часы казались слишком громкими, будто отсчитывали не минуты, а его растерянность. Он смотрел на них и думал о той женщине с лестницы. Он не знал, как её зовут. Не знал, кто она. Но в её взгляде было что-то, от чего у него внутри что-то дрогнуло. Он провёл рукой по волосам, усмехнулся сам себе: «Идиот. Ты даже не знаешь её имени. А уже думаешь о ней». Но усмешка не помогла. Мысль не уходила.

Он взял телефон, открыл контакты, нашёл брата. Написал: «Встретил сегодня странную женщину. На лестнице в поликлинике. Не знаю, кто она. Но я не могу её забыть».

Через минуту пришёл ответ: «Идиот. Ты влюбился». Игорь усмехнулся, убрал телефон. Он снова посмотрел на часы — и вдруг понял, что не слышит их тиканья. Он поднёс их к уху. Тикали. Ровно, спокойно, как всегда. И где-то далеко, на самом дне этого тиканья, ему почудился щелчок — как будто кто-то щёлкнул пальцами.

Он перевёл взгляд на сумку, где лежала папка с отчётом, и открыл её. Цифры, ряды цифр — работа статистов. Обычно он доверял им. Но сегодня он листал страницы и чувствовал, что что-то не так. Подпись Галины Павловны — его подчинённой — стояла под документами, которых на совещании не было. Суммы не сходились. Ненамного. Но достаточно, чтобы насторожиться.

Он сфотографировал страницу — на всякий случай.

И поймал себя на странной мысли: интересно, а она, та женщина с лестницы, тоже сейчас сидит над какими-нибудь бумагами? Тоже устала? Тоже смотрит в окно?

Он не знал ответа. Но почему-то от этой мысли стало теплее.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.